

**К СОЕДИНЕНИЮ СМЫСЛОВ И ЧИСЕЛ
В ОТОБРАЖЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
(из опыта поиска путей)¹**

Р.И. Ленчовский, В.И. Паниотто, В.Е. Хмелько
*(Киевский международный институт социологии,
Национальный университет «Киево-Могилянская академия»)*

Посвящается памяти Леонида Финкеля

Эта статья – своего рода краткий отчет трех социологов о своих поисках путей к единению чисел и смыслов в отображении этнонациональной структуры нашего общества. Трех, пришедших в социологию с общим видением основного смысла занятия социологией, хотя и шедших к ней от разных университетских специальностей: Роман Ленчовский – от философии, Владимир Паниотто – от математики, Валерий Хмелько – от теоретической физики и философии.

А начались эти поиски около 30 лет назад, в конце 70-х, когда четверо – вместе с нами тремя и наш общий друг, безвременно ушедший из жизни математик-программист Леонид Финкель – собрались однажды вместе, чтобы обсуждать, что же собой представляет наше общество, как оно будет меняться дальше и что и как в нем надо бы изменить. Это были так называемые годы застоя, обстановка в стране была тяжелой, ложь, подавление любой самостоятельной мысли в попытках познания общества, ритуальные собрания – в общем, кто пережил, тот знает, кто не пережил – навряд ли представит. Наш неформальный и полуподпольный семинар пришел к выводу, что самая важная характеристика общества – это гуманность, человечность отношений между людьми, взаимопомощь, приоритет отзывчивости, доброжелательности в структуре их ценностей. Это, собственно, тот фактор, который делает нашу жизнь наполненной смыслом даже в обществе с очень ограниченными ресурсами. (Хотя, разумеется, важен определенный уровень удовлетворения основных жизненных потребностей – в длинных очередях за необходимым для жизни гуманность не формируется).

Владимир Паниотто

---

¹ Из книжки: Соціологічна культура: числа і смисли. Матеріали Міжнародних соціологічних читань пам'яті Н.В.Паніної. – Київ, Інститут соціології НАНУ, 2011. (В печати)

1. Для изучения факторов формирования человечности предполагалось сделать компьютерную модель общества, в которой выходными характеристиками (т.е. теми, которые прогнозирует модель) будут ценностные ориентации. И здесь важным научным принципом было не только соотношение чисел и смыслов или количественного и качественного подходов, но и соотношение отдельных зависимостей и целостного подхода. Принцип Джея Форрестера [1] и Николая Амосова [2] состоит в первичности системного анализа (не знаю, был ли знаком Амосов с работами Форрестера или пришел к нему независимо). Традиционный подход состоит в том, что на основе теории формулируются гипотезы о связи тех или иных факторов. Затем осуществляются концептуализация и операционализация понятий, входящих в формулирование гипотез. Затем проводится эмпирическое исследование для подтверждения или опровержения этих гипотез. С точки зрения Форрестера и Амосова это в корне неправильно (Амосов раздражал многих медиков, говоря, что книги по медицине следует сложить в одну большую кучу и сжечь, так как они исследуют не человека в целом, а вырывают для измерения отдельные связи). С их точки зрения начинать нужно с описания наиболее общей системы, в которую погружена интересующая нас зависимость. Затем создавать модель системы, опираясь на имеющийся эмпирический материал, а там, где его нет, – на экспертные оценки и гипотезы. Затем проводить вычислительные эксперименты с моделью, выявлять наиболее чувствительные точки (те параметры, небольшие изменения в которых существенно влияют на выходные характеристики модели) и только потом измерять именно эти наиболее важные параметры и зависимости (синтез количественных и качественных методов здесь используется на двух уровнях – и при создании моделей и при измерении характеристик модели).

2. Наши надежды на успех во многом были связаны с теорией В. Хмелько, описывающей динамику воспроизводства общества [3], в частности, динамику макроструктуры его воспроизводства и революций в производительных силах (причем, раньше Тоффлера была опубликована статья, прогнозирующая не только 3-ю волну (как переход к информационному обществу), но и 4-ю волну (как переход к обществу, следующему за информационным). Но от доминирующего вида производства до преобладающих ценностей еще много опосредующих звеньев. Мы разрабатывали отдельные части общей модели, а также методы для измерения необходимых нам характеристик. В частности, я с Л. Финкелем разрабатывал модель, описывающую трудовой путь личности (вероятности выбора того или иного типа образования и типа рабочего места в зависимости от типа семьи [4]). Докторская В. Хмелько была посвящена измерению когнитивных и эмоционально-мотивационных параметров жизненных

ориентаций и их зависимости от изменения уровней образования, квалификации и содержательной сложности труда рабочих промышленности [5].

3. Мы пытались собраться вместе в Институте социологии НАН Украины, где я руководил отделом методов и сектором моделирования социальных процессов и где проводилась часть необходимых нам работ. Закрытие сектора моделирования и развал отдела методов прекратили эти работы, параллельно проблемы со своим руководством были и у В. Хмелько, пришлось создавать собственный центр – Киевский международный институт социологии, КМИС (мельком эта история изложена в [6]). Создание КМИС позволило нам собраться вместе и сделать часть необходимой работы вместе с известным американским социологом Мелвином Коном (в то время он был президентом Американской социологической ассоциации). Кроме того, мы получили первые в Украине заказы от зарубежных клиентов, которые также провели тренинги интервьюеров и модераторов фокус-групп и помогли установить стандарты полевых исследований. Первое время заработанных на коммерческих заказах средств было достаточно для финансирования наших собственных исследований, казалось, что наша модель будет быстро продвигаться вперед. Но через два года из-за конкуренции и падения курса доллара мы были вынуждены увеличить объем коммерческих работ и все меньше времени оставалось на научную работу. Я стал читать курс по моделированию, чтобы заинтересовать тех, у кого больше времени на научную работу. В настоящее время два моих аспиранта заняты моделированием в социологии, причем начинают они с воспроизводства лингво-этнической структуры в Украине.

4. Интерес к этой проблематике возник еще в начале 90-х. Я был руководителем социологической группы Руха и одновременно входил в комитет Крыжановского, занимавшийся национальными меньшинствами и межэтническими отношениями. В 1994-м мы получили заказ на изучение проблем языка и межэтнических отношений от канадского ученого Доминика Ареля. В рамках работы над ним у Романа Ленчовского возникла идея более точного изучения этнической идентификации, и я помог ему разработать шкалу, которая ее фиксировала (см. подробнее в части Р.Ленчовского). В этом же, 1994 году, мы решили повторить исследование межэтнических отношений с помощью шкалы Богардуса, начатых Натальей Паниной в 1992, и осуществлять мониторинг уровня ксенофобии в Украине [7]. Дело в том, что создание Украины как независимого государства поначалу породило надежды на интеграцию общества, рост взаимопомощи и человечности – советский режим, основанный на фальши и обмане, ушел в прошлое, Украина ориентировалась на европейский путь развития, Рух как общественное движение, начиная с 1989, занял активную позицию поддержки

национальных меньшинств. Однако к 1994-му стало казаться, что ксенофобия и межэтническая напряженность в обществе растет, а толерантность падает. И это серьезная угроза развитию гуманизма и человечности. Начатый мониторинг подтвердил это ощущение.

Рис.1.

Уровень ксенофобии в Украине возростал с 1994 по 2001 год, что можно интерпретировать как результат роста уровня бедности. Потом наметилась некоторая стабилизация ситуации, но в 2001 г. после событий 11 сентября начался рост. Вероятно, на динамику уровня ксенофобии влияли два фактора – динамика экономической ситуации и внешние войны и конфликты в других регионах мира, широко освещаемые средствами массовой информации. Вот несколько результатов анализа полученных данных.

Основными факторами, определяющими уровень ксенофобии индивида, являются его уровень образования (чем выше уровень образования, тем ниже уровень ксенофобии), тип и размер поселения, в котором он проживает (в селе уровень ксенофобии выше, чем в городе, чем больше город, тем ниже уровень ксенофобии) и возраст (в начале 90-х закономерность была такой: чем выше возраст, тем выше уровень ксенофобии; однако в начале 21-го века уровень ксенофобии среди молодежи стал повышаться, в настоящее время зависимость стала U-образной: наиболее высокий уровень ксенофобии среди молодежи и среди лиц старшего возраста). Еще одним фактором является национальность. Украинцы, особенно украино-язычные украинцы, в среднем, имеют выше уровень ксенофобии, чем русские. Однако эти различия полностью объясняются

поселенческими различиями, среди украинцев намного выше процент сельского населения, имеющего более высокий уровень ксенофобии.

Следующим шагом является изучение структуры отношений между группами (к сожалению, собранные данные позволяют сделать это лишь для 3-х групп).

Таблица 1. Социальная дистанция между лингво-этническими группами в 2009-2010 гг
(средний индекс по шкале Богардуса: минимальная дистанция равна 1, максимальная равна 7)

Лингво-этнические группы	Украино-язычные украинцы	Русскоязычные украинцы	Русские
Украино-язычные украинцы	2.07	2.78	3.18
Русскоязычные украинцы	1.92	1.69	1.89
Русские	2.02	1.62	1.44

Среди этих групп наименьшая дистанция (наименьший уровень ксенофобии) каждой группы по отношению к своей же группе. Отношения несколько несимметричны: в среднем, русские лучше относятся к украино-язычным украинцам, чем украино-язычные украинцы к русским, русскоязычные украинцы лучше относятся к украино-язычным украинцам, чем наоборот, и русские несколько лучше относятся к русскоязычным украинцам, чем те к русским.

Роман Ленчовский

Задача развития гуманистического потенциала общества для нашего личностно-профессионального содружества с самого начала была тем **смысловым мировоззренческим горизонтом**, на который каждый из нас ориентировался, изыскивая в своём профессиональном арсенале то, что могло бы содействовать решению этой задачи - в междисциплинарном диапазоне от *философии* до прикладной *математики*. И с *социологическим «эпицентром»*. Такая задача стала ещё актуальнее в воследовавшее время – время очень больших надежд и, увы, ещё больших разочарований.

В своей части я попробую сжато представить суть и пунктиры *истории одной идеи*, которая при поддержке друзей и коллег созревала и сначала трансформировалась из

абстрактно-теоретической междисциплинарной *гипотезы* в юридическую *норму* конституционного уровня (1990 – 1993), а затем, снова-таки нашими общими усилиями, была дополнена *измерительной процедурой*, позволившей эту идею *верифицировать* и наполнять разнообразным *конкретным социологическим содержанием* (начиная с 1994 г. и по сей день). Речь пойдет об идее *свободы* (а именно: свободы от государственно-бюрократического «регулирования» и произвола) *личного национального самоопределения* и, кроме многого прочего, свободы *полиэтнической* самоидентификации личности. Что, в свою очередь, предполагало необходимость *измерения* такого актуального для Украины частного варианта полиэтничности, как *украинско-русская (руско-украинская) биэтничность* значительной доли её населения.

В соответствии с эпистемологическими канонами «анализа случая» я начну с указания на *экзистенциально-феноменологическую и коммуникативистскую парадигму* как основание для меня позднейшей реинтерпретации этой проблематики, а заодно на то обстоятельство, что самый этот «случай» осмысления *индивидуальной* полиэтничности (в дополнение к весьма отличному феномену полиэтничности и мультикультуральности общества, более-менее общеизвестному) уходит корнями в весьма *практические* обстоятельства нашей социальной и научной жизни почти четвертьвековой давности (и ещё глубже). В ту пору их понимание опиралось для нас на категории *здорового научного смысла* в лоне Гегелево-Марксовой школы диалектического мышления. А также - на некоторые методологические представления, которые тематизировались Гуссерлем в его раннем проекте феноменологии как «стремление постичь смысл и сущность» действий «специалиста-исследователя (...) в отношении метода и предмета», а конкретнее - как идея основательно продуманного междисциплинарного «разделения труда», прежде всего, в «работе математиков и работе философов» (см.: [8]). Установка - прямо-таки для нашей творческой группы!

Первое практическое и как бы случайное обстоятельство – из быта советских обществоведов середины и конца 80-х годов: все мы по долгу службы писали аналитические записки в «директивные» (как тогда это называлось) органы, причем, границы профессиональной компетентности заказчиком часто не принимались во внимание (что вместе с тем могло способствовать стихийной, но вполне осознаваемой междисциплинарности, пусть и не без дилетантизма).

1987-й год, разгар «Перестройки». Наконец-то мы начали надеяться на какие-то сдвиги в этом монолите – советском образе жизни и советской идеологии. При весьма общей задаче «что-то предложить» для программы *Всесоюзной переписи населения*, грядущей через два года, в 89-м, я прямо-таки «споткнулся» на *общеизвестное* – на

вопрос о национальности информанта. Иначе говоря, на знаменитую «5-ю графу», известную каждому гражданину СССР с того нежного ещё возраста, когда он должен был, чтобы получить паспорт, официально и окончательно сообщить по инстанциям, какой же он национальности. Суть проблемы, кроме многого прочего, в том, что при родителях разных «*дескриптивных национальностей*» (т.е. «паспортных») самоопределиться подростку в этом навязанном тем обществом обязательном выборе было не так легко. Для чего порой собирались на внутрисемейный совет целые «курултаи» родственников и друзей дома. Ибо вот-вот отпраздновавшим совершеннолетие отрокам и отроковицам предстояло не просто отдать предпочтение *маме или папе* - в случае «смешения» теми «*крови*» разных «племён», но и *не ошибиться* в выборе «нужной» национальности, - для чего требовался немалый социальный опыт и «чувство реальности». Порой доходило и до изменения ранее записанной в метрике чада фамилии и даже до «обновления» имени отчества, если таковые могли, по *обычным* представлениям того времени, «испортить молодую судьбу» (в моих полуструктурированных биографических интервью – масса тому примеров; думаю, что и многие наши современники о таких ситуациях, как минимум, слышаны).

Один только пример, так сказать, «народной фальсификации» хотел бы для убедительности привести - как пример *стихийного сопротивления* политико-бюрократической «картографии» населения не только по «классовому», но и по «этно-паспортному» признаку. Сейчас мало кто вспомнит, но был практически *один* такой «юрьев день» в том специфически советском административном *обиходе*, в 1932 г., когда граждане СССР при получении *первого* (!) советского паспорта имели какую-то возможность *записаться* теми, кем они предпочли бы в то время и в определённом месте «называться». (Не думаю, что такая вольность могла быть позволительной через 40 с лишком лет для 50 млн селян и колхозников, которые до 74-го года были просто беспаспортными!) Так вот, в некоторых польских семьях решили тогда, что оставаться «*белополяками*», - опасно (а иных поляков в 30-х годах в СССР просто «не было»: *иные* «укрывались» в соответствующем показушном сельском «нацрайоне» или имели какого-либо рода «спасительную грамоту», например, партбилет; впрочем, в пору «большого террора» не спасал и партбилет). И что единственный для поляков способ избежать весьма возможного увольнения или ареста, т.е. обвинения в нелояльности «скрытых белых» к «красной» большевистской власти, - записаться «*тутейшими*», т.е. украинцами, русскими, белорусами... Такая на тот день выпадала для поляков в СССР политическая «карта», на криминальном арго – «чёрная метка», а на социологическом языке - «маркировка»...

Были и другие, всё новые и новые, особо *отмеченные* и даже, как печально известно, и вовсе *репрессированные* народы: крымские татары, калмыки, чеченцы... Длинный список, причём, всё «по закону» - советскому... И «процентные нормы» при поступлении в вуз или на работу для их представителей бывали часто «нулевыми». ...А что «били не по паспорту», как говорится в известном еврейском анекдоте, так задача выбрать «правильный» паспорт так или иначе оставалась, причем, доходило «до смешного», как сказали бы в Одессе (снова-таки - в экзистенциально-стигматизирующем смысле): в биографическом проекте «Судьбы евреев Украины», который я реализовывал, в частности, со студентами-социологами Международного Соломонова университета (1996), обнаружилось, что практики *скрывать* от детей национальность, национальные «корни» родителей или одного из них - вполне *обычны*. Но тем больше была, наверное, травма, когда «секрет» при получении паспорта приходилось раскрывать...

Абсурдны не только многие *жизненные ситуации* с этой административно-обязательной публичной «национальной дескриптивацией» каждого индивидуального «атома» советского общества (с одновременной избирательной явной и скрытой социальной-институциональной и социально-психологической дискриминацией). Такие практики абсурдны *по смыслу* и самому существу дела – жесткого государственно-политического и административно-милицейского конструирования строго и однозначно очерчиваемых полей этничности (можно сказать даже - «территорий» или «ячеек») и «прописывания» каждого в одну-единственную соответствующую - по «наследству!» - «национальную ячейку».

Несмотря на абсурдность административно принятых в бывшем СССР практик регистрации «национальности гражданина», в доступной научной литературе того времени никаких обоснований этих практик я тогда не нашёл. Очевидную абсурдность эту официальная «советская наука» игнорировала, более того, практики эти были настолько всеохватывающими, «законными», привычными, что переставала замечаться их «неочевидность» полностью зависимого артефакта. С одной стороны, процедура *требовала* записывать *один-единственный* этноним, причем, «разрешённый». А, с другой, – на каждого давила «гравитация» традиционалистского сознания большинства, которое как бы легитимировало эту практику...

Попробуем *проблематизировать* самый этот *вопрос* о национальной «принадлежности», который формулировался и представал в ту пору скорее как «вопрос делопроизводства», «государственной статистики», т.е. как проблематика сугубо канцелярская, а вовсе не содержательная. Однако если нет *содержательного* вопроса, то, по известной диалогической концепции М.Бахтина, нет и *смысла*. Какие же *смыслы*

актуализируются в вопросе о *нашей* национальности, если таковой адресуется к каждому из нас лично?

Прежде всего те, что задаются обычаем, культурными традициями разного генеза. *Причастность* индивида к некоторому миру общностей, в которых индивид рождается и в рамках которых проходит его жизненный путь, предполагает исторически конкретную структурированность всех этих общностей и более-менее определенных отношений индивида с определенными общностями. Самый простой тип отношений – *включение и исключение*. Кто-то и что-то представляется нам роднее и ближе, другие и другое – дальше или вовсе далеко, до полной чуждости. Однако общности любого рода, культуры и традиции (их спецификация – за пределами данного очерка) существуют не изолировано (даже так называемые «изоляты» и эндогамия не бывают абсолютными), а в разнообразнейших взаимодействиях, взаимопереплетениях, взаимоналожениях... Иными словами, эти связи, причастности могут быть и *дизъюнктивными*, и *конъюнктивными*.

Быт, семейный уклад, языки, представления и верования, коллективная память и обычаи, праздники и будни, своеобразное вхождение в надобщностные социальные отношения, структуры, институты – из всей этой обширной тематики, которая ассоциируется с концептами «нации», «этноса», для наших целей вполне достаточно сослаться на одну весьма распространенную повседневную практику человеческого общежития – национально-смешанные браки. «Миксы» известны от самых исторических начал как института брака, так и этногенеза, особенно в «пограничных полосах», при *смешении народов*, миграциях и т.д. Неизбежны эти браки в современных больших и даже малых городах (в меньшей степени в сельской местности).

Мы возвращаемся, таким образом, к *смысловому и практическому* истоку излагаемой здесь идеи (которая в итоге получила у нас, в КМИС, *количественную* интерпретацию). Ведь что-то с записью о национальности всех этих тысяч и миллионов «полукровок», «квартеронцев» и т.д. – советским бюрократам надо было делать: ввиду того, что тогдашняя «национальная политика», как и весь советский быт, предполагали строгий *государственный* «учёт и контроль». А вместе с тем никак не предполагалась возможность какого-то иного персонального учета в национальном отношении, как *однозначное приписывание к одной-единственной нации (этносу)* – по единому «списку наций», разосланному во все районные милицейские паспортные столы необъятной страны (таковы правила означенной «5-я графы»). Вот почему начинать надо было именно с этой государственной национальной «печати» на каждом гражданине, а равно с «маркировки», «графы», «строки» – во всём персонально-кадровом делопроизводстве, в социальной статистике, демографии, этнологии, социологии...

В аналитической записке ко Всесоюзной переписи населения 1989 г., о которой я выше упомянул, было предложено – как нечто, *само собой разумеющееся*: вопрос о национальности респондента должен формулироваться в такой форме, которая *не навязывала бы изначально моноэтническую* самоидентификацию, а оставляла бы открытой возможность и *полиэтнического* (в самом простом случае – *биэтнического*) самоопределения. В переписном листе вместо вопроса: «*национальность*» (ответ предполагался только в единственном числе!) – следовало бы давать такую формулировку, которая была бы «нейтральной», «открытой» в отношении числовой модальности, например: «*национальная принадлежность*» (с подробной инструкцией для переписчиков о том, как фиксировать биэтническое или полиэтническое свободное самоопределение, если таковое имеет место, а равно и отказ от определённого ответа).

Социологи, работающие «в поле», знают (или догадываются): *каков* вопрос к респонденту – *таков* и ответ (в отношении категориальных рамок, модальности).

Практический эффект на ту пору от продвижения этой идеи по официальным каналам был нулевым, что и само по себе заслуживало бы осмысления: как же соотносятся *очевидности, смысловые горизонты повседневного и административного дискурсов*? Как административный дискурс ищет опору – и находит! - в традиционалистском (пред)сознании? Находит - на общей платформе *субстанциалистского* (эссенциалистского, «почвеннического», примордиалистского) понимания социального взаимодействия... Лишь на руинах СССР, в процессе осознания, кроме всего прочего, полного провала «советской национальной политики», в академической науке, в частности, в этнологии, стала приживаться феноменологическая *конструктивистская* парадигма – в отличие от *эссенциалистской* «советской теории этноса» (см. например: [9;10]).

Тогда же первым, кто поддержал эту идею свободной национальной (этнической) самоидентификации, её адекватного практического отражения и развития, был мой друг и коллега В.Е.Хмелько. И только через три примерно года, в сентябре 1990 г., на Международной конференции по правам человека в Ленинграде, *идея свободы личного национального самоопределения* оказалась затребованной и вошла в корпус резолюций этой конференции в форме рекомендуемого конференцией *принципа международного права*. Проект соответствующей резолюции был в основном поддержан в бурной, как и следовало ожидать, дискуссии на секции межнациональных отношений. А затем, на завершающем пленарном заседании конференции, она была принята единогласно, без каких-либо возражений [11].

В той конференции принимал участие известный московский политик и политолог, д.э.н. Виктор Шейнис – на ту пору депутат Верховного совета РСФСР и член Конституционной комиссии. Мультипликация всех этих обстоятельств имела то значимое практическое следствие, что вскоре идея, что личность *в свободном обществе свободна в своём индивидуальном национальном (этническом) самоопределении и способах его артикуляции*, т.е. не может *принуждаться* в национальной сфере ни к какому выбору, который не соответствовал бы её самочувствованию и самосознанию, равно как и к административной «дескриптации» своего этнического самоопределения в официальных идентификационных документах, паспортах, «личных делах» и т.д., – эта идея попала на российские конституционные политико-правовые вершины. Об институализации искомой идеи в 1991 г. в «Декларации прав и свобод человека и гражданина» и в 1993 г. в российской Конституции (ст.26, ч.1) В.Шейнис подробно написал во 2 т. своего фундаментального политико-социологического исследования нового российского парламентаризма [12].

Отдельная история – как ликвидировалась в паспортах сама эта известная «графа о национальности», причем, на практике - сначала в Украине (не без воздействия, конечно, российских конституционных проектов, конституционного и административного права развитых стран), а потом и в России. Таким образом, индивидуальное этническое самоопределение граждан из квазигосударственной (т.е. бюрократической) «проблемы» превращалось в их *личное дело* (сфера приватного права – в отличие от публичного). Способствуя тем самым и развитию индивидуального гражданского самосознания, как вполне свободного в этом отношении.

Такими были первые позитивные *институционально-правовые эффекты* истории рассматриваемой идеи (подробнее см. в обзоре [13] питерского социолога А.Н.Алексеева - активного участника этой истории и давнего друга авторов). Именно эта, прямо скажем, практическая удача (ведь сколько на этом пути было случайностей и нулевых результатов!) во многом обусловила «*обратное*» транспонирование этой идеи *в научный дискурс*. И форма этого дискурса была уже не просто понятийно-смысловой и нормативно-институциональной, как прежде, а включала *измерительные процедуры* в отношении полиэтнической самоидентификации личности (как первый шаг и самый массовый в Украине вариант – украинско-русской биэтничности). Причём, в масштабе общенациональной (всеукраинской) репрезентативности.

И снова потребовалось стечение многих практических и как бы случайных (по отдельности и в совокупности) обстоятельств: становление КМИС со всеми его полевыми и аналитическими возможностями, а главное – персональным составом; сотрудничество

КМИС с канадским социальным антропологом Домиником Арелем в рамках большого сравнительного исследования «Языки и национальности в Украине» и т.д., и т.п. Д.Арель согласился с нашей идеей включить в программу этого исследования этноязыковой ситуации в ряде крупных городов и в нескольких областях Украины новый дополнительный блок предлагаемых нами вопросов.

Тогда же, в апреле 1994 г., мною совместно с *В.И.Паниотто* и при активном участии *В.Е.Хмелько* была разработана **шкала украинско-русской биэтничности**, уже упоминавшаяся выше В. И. Паниотто. С её помощью фиксировался один из вариантов этнической самоидентификации личности, преимущественно латентный, как правило, не артикулируемый и как бы «полупризнаваемый» в быту (но вовсе не приемлемый тогда для официальной идеологии, политики и статистики). Весьма значительная часть респондентов получила возможность в структурированном общении с интервьюером открыть (или на первых порах - приоткрыть) ранее «туманные» (часто – для самого же информанта) горизонты многозначного и поливариантного индивидуального этнического самосознания.

Среди тех, кто сначала на привычный вопрос о национальности отнес себя то ли к украинцам, то ли к русским, при последующем методическом уточнении примерно 28% респондентов сказали, что считают себя *украинцами и русскими одновременно* (1994, май, репрезентативная общенациональная выборка, 18 лет и старше, N 1000). Эти первые результаты и оригинальная методика Киевского международного института социологии (вопросы в анкете, инструкция интервьюерам) освещены в [14, 15] и других работах.

Итак, первые же **числа** сначала по нескольким городам и областям, а затем данные, полученные уже в общенациональных выборках, в собственных и других исследованиях КМИС, начиная с 1994-го года и по настоящее время, порадовали нас и продолжают радовать *ожиданной неожиданностью*: гипотеза о **смысловой** значимости для теперь уже известной части респондентов их украинско-русской биэтничности – подтвердилась.

В ходе уже 16-летней фиксации в исследованиях КМИС этого феномена, преимущественного латентного как для массового, так и для индивидуального сознания, достаточно *очевидный* исследователям гуманистический **смысл** изложенной гипотезы раскрылся затем *далеко не очевидным* образом, а именно: *в структурных распределениях и функциональных зависимостях* в масштабе всего украинского общества. Причем, не только в отношении собственно этнических феноменов, структур, отношений, их динамики, но и в смысловой и количественной связи этих феноменов с социокультурными и политическими контекстами (см., например: [16]).

Валерий Хмелько

1. Метод эвристического моделирования. Проблема обоснованности исходных гипотез

С методологией, фактически специально разработанной для соединения, условно говоря, чисел и смыслов, я (как и Паниотто) впервые познакомился на семинаре по проблемам эвристического моделирования, который проводил Николай Михайлович Амосов в 1968 и 1969 годах в секторе моделирования социального поведения киевского Института кибернетики.

Амосов разработал метод эвристического моделирования как промежуточную ступень в моделировании тех сложных систем, для которых в науке еще не накоплены количественные данные о тех зависимостях, без которых адекватную компьютерную модель сложной системы построить невозможно. Он предложил в этих условиях создавать модели, дополняя имеющиеся в научной литературе количественные данные недостающими зависимостями, вытекающими из качественной гипотезы о структуре и функциях системы в целом.

Подход к применению эвристического моделирования в социологии Амосов изложил в работе «Метод моделирования социальных систем», изданной как отдельный выпуск трудов семинара «Вопросы эвристического моделирования» [2], который почти сразу был изъят из обращения органами надзора.

Эта работа произвела на меня двойное впечатление. Убедительным и перспективным представлялся предложенный *метод* моделирования, но необходимые для его успешной реализации *исходные гипотезы* о структурах и функциях социальных систем обоснованными не выглядели.

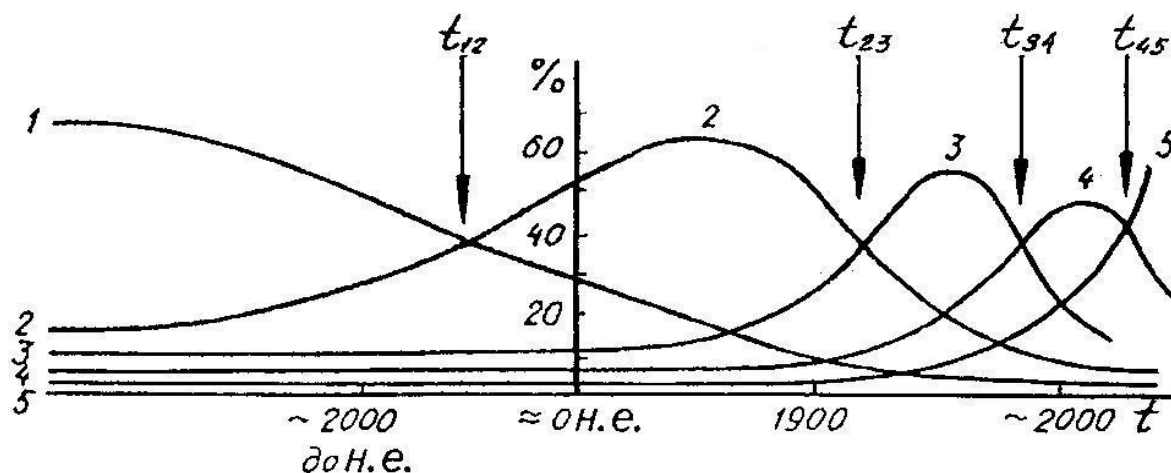
2. Закономерность эволюции макроструктуры процессов воспроизводства общества

Некоторые из исследовательских вопросов, которые Амосов поставил в этой работе, побудили попытаться разобраться сначала в том, как адекватно отобразить макроструктуру процессов воспроизводства общества, и в том, что представляет собой структура личности как системы внутренней регуляции социального поведения человека.

Работа над первой задачей позволила в начале 70-х годов выявить определенную закономерность в эволюции нескольких параметров макроструктуры общественного разделения труда и, соответственно, воспроизводства элементов общества [3;17]. Попытка соединения чисел и смыслов в этой работе привела, в частности, к представлению эволюции макроструктуры этого процесса в форме условно-временного графика пяти взаимозависимых переменных: долей затрат общественного труда на производство и

воспроизводство самих людей и их средств к жизни (см. рис. 2). Первые попытки построить адекватную этой модели систему уравнений предпринимались

Рис.2. Схематический график эволюции структуры процессов воспроизводства элементов общества (нелинейный масштаб времени)

Затраты (%) общественного труда на производство и воспроизводство:
 – человека как организма (1) и как личности (5);
 – средств к жизни: пищевых (2), вещных (3) и информационных (4).

t_{12} , t_{23} , t_{34} , t_{45} – времена смены доминант (паритетные точки).

с середины 80-х годов прошлого века (см. [4]), но впервые корректно решить эту задачу удалось только к началу нынешнего века – киевским кибернетикам Геннадием Повещенко и Юрию Чеховому [18].

3. Подход к измерению мыслимой (когнитивной) и эмоционально-мотивационной (эмотивной) значимости аспектов жизни

Вторая задача оказалась гораздо сложнее. Как уже отметил В. Паниотто, мы пришли к выводу, что главное, ради чего есть смысл заниматься социологией, – это поиск тех знаний, которые могут способствовать приращению человечности, гуманности в отношениях между людьми. Понятно, что для решения такой задачи, прежде всего, необходима методика оценки степени гуманности существующих отношений. Далее необходимо изучать, от каких социальных параметров и как именно зависит эта характеристика человеческих отношений.

Для таких исследований методы естественных наук, фиксирующие лишь объективные явления, явно недостаточны. Чтобы выяснить, как чувствуют себя люди в

своих отношениях, необходимо обращаться к самим людям, к их оценочным суждениям по самой своей природе субъективным, формирующимся и мысленно, и чувственно, и сознательно и бессознательно. Это побудило заняться освоением методов социальной психологии, существовавших методик измерения параметров ценностных ориентаций и социальных установок.

Благодаря сотрудничеству с Владимиром Александровичем Ядовым и его коллегами удалось разработать и опробовать в полевых исследованиях методику измерения обычно адекватно неосознаваемых эмоционально-мотивационных компонентов социальных диспозиций и их связей с компонентами когнитивными, непосредственно осознаваемыми [5]. Но этим к разработке искомой методики измерения степени человечности отношений между людьми удалось продвинуться только частично.

4. Методология измерения связей социальных структур и личностных качеств Мелвина Кона

В 1988 году – благодаря рекомендациям Игоря Семеновича Кона и Владимира Александровича Ядова – мы с Паниотто получили от профессора Мелвина Кона, в то время президента Американской социологической ассоциации, предложение провести по его методологии исследование взаимосвязей социальных структур и некоторых личностных параметров в Украине. Опыт освоения разработанных М.Коном методов измерения личностных качеств и параметров связей этих качеств с положением личности в социально-классовых и социально-стратификационных структурах показал, что эта методология является, по-видимому, одним из лучших примеров соединения смыслов и чисел в социологическом исследовании [19]. Думаю, что основное внимание мы бы и дальше уделяли разработке методики измерения человечности отношений и модели структур общества как системы процессов, формирующих личностные качества приходящих в жизнь поколений, если бы на наш выбор дальнейших занятий не оказали влияние тревожные процессы в нашем обществе.

5. Тревожный симптом в политике для межэтнических отношений. Внимание к распространенности в Украине украинского и русского языков.

В 1991 году у меня первый раз возникло серьезное беспокойство из-за возможности появления в Украине конфликтов на национальной почве. Тогда в руководстве Народного Руха появились сторонники того, чтобы язык обучения детей в школе не выбирали родители, а определяли районные органы образования в соответствии с национальностью ребенка, записанного в свидетельстве о рождении. К счастью,

большинство руководства Руха призывы к такой политике не поддержало. Однако, само появление таких настроений побудило разработать, консультируясь с Паниотто, специальную процедуру, использование которой позволяет интервьюеру определить в самом начале интервью, на каком языке – украинском или русском – респонденту предпочтительнее разговаривать. Включение вопросов этой процедуры во все опросы, проводимые КМИС, позволило уже к 1994 году выяснить, что в стране в целом на украинском языке предпочитали тогда общаться 44% взрослого населения, а на русском – 56%.

6. Измерение распространенности в Украине русско-украинской лингво-этнической гетерогенности и биэтничности.

Существенное расхождение данных о предпочитаемом языке с официальными данными того времени о национальном составе населения (согласно которым в Украине проживало 73% украинцев и 22% русских) побудило провести замеры распространенности в стране русско-украинской лингво-этнической гетерогенности. Собранные данные показали, что доля украино-язычных украинцев составляла около 41% взрослого населения, русскоязычных украинцев – около 33%, русскоязычных русских – около 20% и более 6% составляли другие лингво-этнические категории [15]. Но, как справедливо заметил Роман Ленчовский, эти данные лишь приближенно отражали лингво-этническую гетерогенность, так как при этом этническая составляющая фиксировалась лишь в «одномерном» представлении, когда у респондентов не было возможности указывать свою немоноэтничность.

С учетом этого осмысления национальной принадлежности в тех же опросах мы использовали также и разработанную Ленчовским в сотрудничестве с Паниотто методику измерения русско-украинской биэтничности. Это позволило получить данные, показавшие, что не только языковой, но и этнонациональный состав нашего общества существенно отличается от того, как он представлен данными официальной статистики. Оказалось, что только украинцами считали тогда себя около 57% наших граждан, а около 26% считали себя в той или иной мере и украинцами, и русскими и лишь около 11% считали себя только русскими.

7. «Трехмерное» отображение русско-украинской части этнонациональной структуры украинского общества: биэтничности + лингво-этнической гетерогенности состава + степени толерантности между выделенными лингво-этническими категориями .

Данные о распространенности русско-украинской биэтничности позволили по-новому осмыслить специфику лишь *этнического состава* нашего общества. С другой

стороны, данные о распределении русско-украинской лингво-этнической гетерогенности позволили точнее определить *лингво-этнический состав* Украины [20]. Наконец, исследования, начало которым в Украине положила Наталья Панина и которые Паниотто распространил на не выделявшиеся ранее лингво-этнические категории [7], позволили получить данные об уровнях толерантности или недружественности (ксенофобии) межэтнических отношений. Все вместе эти данные представляют собой уникальный материал для нового осмысления специфики *этнонациональной макроструктуры* нашего общества.

Конечно, более 30 лет назад, начиная наши поиски подходов к построению модели общества, которая позволила бы проверять, как могут отразиться те или иные изменения его параметров на человеческих отношениях, никто из нас троих не предполагал, что эти поиски раньше всего сойдутся на исследовании такого аспекта нашего общества как его этнонациональная макроструктура. Но, по-видимому, то понимание смысла занятия социологией, которое нас объединило, как раз и привело к тому, что среди других исследовательских задач наше особое внимание привлекла та сторона человеческих отношений, которая в социальных трансформациях последних десятилетий стала принимать тревожные формы.

Библиография

1. Форрестер Дж. Мировая динамика / Пер. с англ. – М.: Наука, 1978. – 167 с.
2. Амосов Н.М. Метод моделирования социальных систем // Вопросы эвристического моделирования. Выпуск 2. – 1969. – С. 3-121.
3. Хмелько В. Виробничі відносини і суспільне виробництво життя // Вісник Київського університету. Серія філософії. – 1973. – №7; *ego же*, Содержание и структура производственных отношений как предмета общесоциологического исследования. Диссертация на соискание степени канд. филос. наук. – К., 1976. – 192 с. http://www.kiis.com.ua/pub/Dyser_Khmelko.pdf
4. Опыт моделирования социальных процессов. Под ред. В. Паниотто. – К.: Наукова думка, 1989. – 200 с.
5. Хмелько В. Социальная направленность личности: некоторые вопросы теории и методики социологических исследований. — К.: Политиздат Украины, 1988. — 279 с.
6. Володимир Ілліч Паніотто. Бібліографічний покажчик. Серія "Вчені НаУКМА". – Випуск 17. – К.: ВД Академія, 2007. – 73 с. – С.20.
7. Паніотто В. Динаміка ксенофобії і антисемітизму в Україні (1994-2007) – – Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2008, N.1, с. 197-214
8. Гуссерль Э. Логические исследования. Т.1. – М.: Академический Проект, 2011. – С.217-219.
9. Тишков В.А. Реквием по этносу : Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

10. Шнирельман В.А. «Порог толерантности» : Идеология и практика нового расизма. – Тома 1-2. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
11. О принципе свободы личного национального самоопределения // 2nd International Human Rights Conference Vilnius – Leningrad 1990. - Варшава - Ленинград – Павловск: 1990. - С.16-17. (Резолюции, принятые на секциях. Секция 1.)
12. Шейнис В. Взлет и падение парламента : Переломные годы в российской политике (1965 – 1993). – Т.2. М., Виктор Шейнис; Моск. Центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ, 2005. – С.32.
13. Алексеев А.Н. О принципе свободы личного национального самоопределения. Документальная хроника ч.1 ст.26 Конституции (При участии Р.И. Ленчовского) // А.Н.Алексеев, Р.И.Ленчовский. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. – СПб.: Норма, 2010. – Т.2. – С.530-536.
<http://narod.ru/disk/4561805001/AA%20%26%20RL%20P-S%20Vol%20%20Optim.pdf.html>.
14. Ленчовский Р.И. Проблема латентной этнической идентификации личности и этноструктура населения Украины. Аналитическая записка 31.05.1994.
http://www.kiis.com.ua/articles/etn_ukr.pdf
15. Хмелько В., Ленчовський Р. Поширеність в Україні українсько-російської біетнічності та лінгво-етнічної гетерогенності // Щорічна наукова конференція "Україна: людина, суспільство, природа" (Тези доповідей). Національний університет "Києво-Могилянська Академія", 1995. – С.39.
16. Хмелько В.Є. Соціальне підґрунтя протилежності електоральних переваг двох частин України // Наукові записки НаУКМА. Соціологічні науки. – 2007. – Т.70. – С33-39.
17. Хмелько В. Общественное производство жизни: структура процессов и ее динамика // Производство как общественный процесс (актуальные проблемы теории и практики) / Отв. ред. В.И.Толстых. – М.: Мысль, 1986. – С. 125-173.
18. Повещенко Г., Чеховой Ю. Математическая модель структурной эволюции общественных производительных сил // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2001. – № 3. – С.41-59.
19. Соціальні структури і особистість: дослідження Мелвіна Л.Кона і його співпрацівників / Пер. з англ. за наук. ред. В. Є. Хмелька. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 559 с.
20. Хмелько В. Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності // Наукові записки НаУКМА. Соціологічні науки. – 2004. – Т.32. – С.3-15.